
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бусыгин А.Е.

[Рец. на кн.:] Бонами З.А. Как читать и понимать музей. Философия музея. М.: АСТ, 2018. 224 с. ISBN: 978-5-17-098517-3

Бусыгин, Андрей Евгеньевич—доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник Российской Федерации первого класса, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН, Россия, Москва, busygin.andrei@gmail.com.

Автор обращается к одному из немногочисленных музеологических исследований последнего времени, осуществленных российскими исследователями. Отмечая доступность языка книги и живость изложения, как ее несомненные достоинства, рецензент подчеркивает, что по своему содержанию она далека от упрощенчества в трактовке темы музея, его генезиса и современного состояния. В тексте рецензии анализируются все шесть очерков, составивших книгу, и особо отмечается значимость слова «философия» в ее заглавии. Специальный интерес, по мнению рецензента, представляют разделы, посвященные размышлениям о дальнейшем пути развития музеев, прежде всего, отечественных, в которых знания хорошо подготовленного аналитика подкрепляются живым беспокойством музейного профессионала, глубоко чувствующего природу музея изнутри. Высокой оценки, по мнению рецензента, заслуживают полиграфия издания и подбор иллюстративного материала.

Ключевые слова: философия музея, институт памяти, нравственная сущность музея, музейный скептицизм, гуманитарная среда.

[Review of:] Bonami Z.A. *Kak chitat' i ponimat' muzey. Filosofiya muzeya* [How to Comprehend and Understand the Museum. The Philosophy of the Museum]. Moscow: AST Publ., 2018. 224 p. ISBN: 978-5-17-098517-3

Busygin, Andrey Evgenievitch—Doctor of Science in Economic, Professor, Full State Counsellor 1st Class of the Russian Federation, Main Research Fellow, Institute of Socio-Political Studies by RAS, Russian Federation, Moscow, busygin.andrei@gmail.com.

The review observes one of the few recent books in museology, published by the Russian researchers. Naming the clear expression of thought and natural style of writing as the indisputable merits of the book, the reviewer also underlines that in contents it does not presume any simplifying in interpretation of the museum's genesis or present state. The review contains a gist of all six essays compiling a book, drawing attention to the importance of the word "philosophy" in its title. It also marks the special significance of those passages, in which the author is reflecting on the future development of museums, specially in Russia, demonstrating the abilities of a well-prepared analyst with the true concern of a museum professional, perfectly feeling the museum's nature from inside. The special compliment wins the book's design and choice of illustrations.

Key words: philosophy of the museum, institute of memory, moral essence of the museum, museum skepticism, humanities.

Такую книгу, какую написала З.А. Бонами, практический музейный работник и ученый музеолог, возможно, пишут быстро (как правило, есть определенные оговоренные договором сроки представления рукописи, всякого рода обязательства), но готовятся к ее написанию долго. Есть длительный этап обдумывания, осмысления того, чем хочется поделиться с читателем. Он растягивается на годы. Особенно, если речь идет о желании познакомить читателя с такой сложной институцией, каковую представляет собою музей. Для написания такой книги недостаточно глубокого знания древних и новейших текстов философов, писателей, исследователей музейного мира. Нужно «пропустить» эти тексты «через себя», через свой личный опыт. А для этого надо проработать в музее достаточно долго. Точнее сказать — «прожить» в музее длительное время. Потому как музей — это такое место, которое, если ты в нем работаешь (и любишь, а если не любишь, то и работать в нем не надо), занимает всю твою жизнь, а не только рабочее время. Занимает целые сутки, занимает досуг и время сна. Такова природа музея. З.А. Бонами хорошо эту природу знает, потому и написала интересную книгу.

В выходных данных обозначено, что книга представляет собой «научно-популярное издание 12+». Жанр этот выдержан автором безукоризненно: сложностей, в том числе и языковых, которыми столь часто грешат научные издания (частое использование загадочных для многих слов, типа «коннотация», «нарратив», «параферналии» и т.п.) нет и помину. Но книга лишена и противоположной крайности — упрощенчества, заигрывания с читателем, пока незнакомым или слабо знакомым с музеями. Автор исходит из того, что музей — институт серьезный, хотя люди посещают его в часы досуга, и о нем надо говорить серьезно.

Если бы книга носила исключительно только научный характер, можно было бы назвать ее «Философия музея». В данном же издании «Философия музея» — это обобщающий подзаголовок. Но очень важный! Потому что книга не просто о том, «как читать и понимать музей», а как проникнуть в его суть, постигнуть скрытые в нем смыслы, помочь понимать особый язык музея, на котором он «разговаривает» с посетителем. Короче говоря — как постичь и полюбить мудрость музея как института памяти, дающего представление об окружающем мире.

Автор книги не боится отпугнуть читателя вынесенным в заголовок словом «Философия». Для многих и многих, философия — это нечто скучное, занудливое и серое. Как писал один знаменитый философ: «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это показывает, что некоторая форма жизни постарела, и своим серым по серому философия может не омолодить, а лишь понять ее; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек»¹. Написал это Георг Вильгельм Фридрих Гегель — один из авторитетнейших представителей мировой философской мысли и, кстати, по справедливому мнению австралийского культуролога Дэвида Кэрриера, на которого неоднократно ссылается автор рецензируемой книги, — первый теоретик публичного музея.

Однако философ Гегель в данном случае, как сейчас говорит молодежь, «троллил» своих современников (это когда он — «серой краской по серому»), продолжает «троллить» и нас. С философией не сталкивается только тот, кто вообще не думает и не мыслит. А когда речь идет о музеях, не мыслить невозможно.

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 55.

В своей книге автор ссылается на многие и многие авторитеты, которые задумывались о феномене музея. При этом на первом месте, как это не покажется неожиданным, — русский философ Николай Федорович Федоров (1829–1903), один из основоположников русского космизма. Федоров — религиозный мыслитель, но своей мыслью он охватывал и светские институты памяти — музеи, библиотеки, архивохранилища и отмечал их огромную роль в сохранении исторической памяти, преемственности поколений. Ему и принадлежат оценки музея и его общественной роли, которые З.А. Бонами считает основополагающими и важными. В частности, согласно учению Федорова, «музей есть образ мира, вселенной видимой и невидимой, умершего и еще живущего, прошедшего и настоящего ...»². Действительно — космический масштаб музея, который мыслитель мечтал создать! Очень важна, по мнению автора книги мысль Федорова (и с ней нельзя не согласиться), что синтетической объединительной силой в музее выступают искусство и наука, и с их помощью музей сможет «действовать *душеобразовательно*»³. Действительно, не только просвещать и образовывать посетителя, но и формировать его *душу*.

Вот почему именно Н.Ф. Федоров! Не удержусь, и приведу довольно-таки обширную цитату из рецензируемой книги: «Учение Федорова — особая ценность и преимущество русской культуры. Никакая другая, кажется, не ощущает музей прежде всего как *этическую и нравственную* сущность. Пренебрегать подобным наследием в размышлении о современном музее и планировании будущего было бы предосудительно. Как бы ни развивались технократические музейные тренды, национальным *архетипом* <...> остается музей *антропоцентрический*, опирающийся на душевные склонности, творческие ресурсы самого человека. Музей — *сакральный*, содержащий в себе великую возможность *приобщения* к традиции. Музей — *соборный*, построенный на равных возможностях для всех, на объединении, а не разъединении людей и культур» (С. 171).

Книга представляет собой единство шести очерков, которые, как пишет в предисловии автор книги, могут быть прочитаны подряд, или же избирательно. Советовал бы читать подряд. Именно при таком чтении философия музея предстает в своем развитии, в движении, т.к. музей, несмотря на всю свою консервативность, — институт изменчивый и гибкий. И философия его диалектична — употребляю это понятие, хотя в последнее время даже в философской литературе оно встречается все реже и реже. А зря!

Первые два очерка («Мусейон» (С. 7–32) и «Публичный музей» (С. 33–72)) посвящены древней и новой истории музеев. Полагаю, что и те, кто давно интересуется музеями и кое-что о них знает, найдут здесь много для себя интересного: исторические факты, ссылки на замечания и мысли зарубежных и отечественных авторов — философов, историков, музееведов. Казалось бы, что можно добавить к тому, что не единожды повторено в различных учебниках по музееведению? Однако, разница есть: в иных учебниках сказано сухо и скучно, а З.А. Бонами умеет сказать свежо и интересно.

Очерк третий «Музейный скептицизм» (С. 73–100) предвещает переход к изложению новейшей истории музеев. Специалисты, пишущие о музеях в восторженных тонах, редко касаются этой темы. Со скептиками музейного дела не принято спорить. Их предпочитают игнорировать и тихо презирать. Хотя термин «музейный скептицизм» новый, предложен Дэвидом Кэрриером (тем самым, который назвал Гегеля первым теоретиком публичного музея), автор рецензируемой книги отмечает, что на протяжении двух столетий «музейный скептицизм повсюду следовал за музеем, превратившись в его тень ...» (С. 75).

² Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Он же. Сочинения. М., 1982. С. 590.

³ Там же. С. 603.

Те из молодых (и не очень) людей, которые считают музеи пыльными складами старых вещей, познакомившись с этим очерком, узнают, что у них есть предшественники с громкими именами. Среди них — философы и революционеры-ниспровергатели миров и всяческих основ. Причем не невежды, а те, которые хорошо были знакомы с историей и текущей жизнью музеев. Правда, вчерашние революционеры, придя к власти, спешили не крушить музеи, а поставить их на службу установленной ими власти. Среди скептиков немало и тех, которые знают о том, как, в ходе масштабных империалистических войн, собирались коллекции многих именитых мировых музеев. Так что скептики и критики музея имеют право на существование. Конструктивная критика помогает изживать недостатки. Но, как свидетельствует история, разрушить музеи скептики не смогли и вряд ли смогут в будущем.

Тема четвертого очерка «Музеи и XX век» (С. 101–148) поистине неисчерпаема. Поэтому автор ограничивает этот очерк всего двумя сюжетами. Первый — о судьбе немецких музеев в годы нацизма и Второй мировой войны. Второй — краткий очерк о музеях СССР и их роли агента «тихого» влияния на общественно-политическую, в том числе и международную, жизнь. Но написан он так, что позволяет как бы выйти за рамки этих сюжетов, мыслью охватить всю непростую историю музеев в течение прошедшего века, когда музеи подвергались различным испытаниям. Автор, подытоживая, заканчивает очерк словами: музей «сохраняет способность не только сопротивляться внешним факторам, но и формировать собственную силу, собственную власть над действительностью» (С. 143).

Очерк пятый — «Воображаемый музей. Искусство памяти» (С. 149–180) — самый, на мой взгляд, «философский». Здесь речь идет о таком непростом понятии, как «искусство памяти», о том, как не только музеи, но, с их помощью, печатные издания, а сегодня и (даже в большей степени) электронные могут создавать музейные экспозиции вне стен традиционных музеев. Здесь развивается мысль о том, что каждый человек, в сознании которого совмещается личная и коллективная память, «носит» в своей памяти свой собственный музей. Из этого следует вывод, который автор книги не формулирует, но который напрашивается, а именно: институт музея неуничтожим, т.к. он неразрывно связан с бытием человека как мыслящего существа, обладающего памятью о прошлом. Вот почему музейоны в виде храмов возникли еще когда человечество переживало пору своего детства, в современном виде существуют поныне и их грядущего краха не предвидится. Крах возможен только, если все пустить на самотек. Об этом, в частности, говорится в шестом очерке, который будучи названным «Музей после музея. XXI век» (С. 181–223) отсылает читателя к текущему моменту истории, когда музеи переживают еще одну, далеко не первую революцию за время своего долгого существования.

Музеи ныне, под влиянием глобализации и информатизации, превращаются в некие новые институты, которые приходят на смену публичному просветительскому учреждению, возникшему в XIX в. В этом очерке анализируются изменения, происходящие в музейном мире под влиянием постмодерна как особого мировоззрения технотронной эры. Речь здесь идет и о вызовах, которые современность бросает музеям и которые, если к этим вызовам отнестись легкомысленно, могут, как пишет автор, «нарушить музейный эквilibриум», то есть, в процессе происходящих изменений привести музеи к утрате связи с прошлым. Это было бы гибельным для музеев. Не допустить этого — задача профессионалов музейного дела. Но, как справедливо пишет автор, во многом это «зависит от тех, кто сегодня поднимается по ступеням музея и открывает его массивную дверь ...» (С. 220). То есть, от тех, кому адресована книга.

Не удержусь от одной придирки: З.А. Бонами пишет, что «XXI в. стремительно обесценивает значение гуманитарных профессий» (С. 21). А вот и нет! Это не век, в котором мы живем, обесценивает гуманитарные знания, а недалёковидные менеджеры от образования! В конце 1980-х гг. академик Валерий Алексеевич Легасов, много сделавший для ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, покончил с собой—скорее всего от безысходности, от осознания того, что не смог донести до властей и общества то, что считал необходимым. Он говорил, что надо сосредоточить усилия на создании защиты от техногенных катастроф, писал, что великие технари всегда стояли на плечах великих гуманитариев—только так возможно развивать научно-технический прогресс. Продолжая его мысль, можно сказать, что, если технари и впредь будут разрабатывать свои теории на основе идей таких же технарей, то черныбыли будут продолжать взрываться. Без гуманистических идей человек начинает служить техническим наукам как таковым, однако он должен знать некие пределы, которые задаются нравственными принципами. Так что сегодня никак нельзя недооценивать значимость гуманитарных знаний и тех учреждений, которые формируют гуманитарную среду. Среди этих учреждений—музеи, с их этической и нравственной сущностью.

В заключение следует отметить, что книга прекрасно издана и иллюстрирована. Проведу аналогию с поэтическим сборником: поэтическое слово самоценно—стихи можно читать и в электронном виде, можно повторять наизусть. Но как приятно держать в руках с любовью изданный томик стихотворений! Музеи тоже стоят того, чтобы книгу о них было приятно взять в руки.

Список литературы

- Бонами З.А. Как читать и понимать музей. Философия музея. М.: АСТ, 2018. 224 с.
Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль. 1990. 524 с.
Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.

References

- Bonami, Z.A. *Kak chitat' i ponimat' muzey. Filosofiya muzeya* [How to Comprehend and Understand the Museum. The Philosophy of the Museum]. Moscow: AST Publ., 2018. 224 p. (in Rus.).
Hegel, G.W.F. *Philosophiya Prava* [The Philosophy of Law]. Moscow: Mysl' Press, 1990. 524 p. (in Rus.).
Fedorov, N.F. *Sochineniya* [The Works]. Moscow: Mysl' Press, 1982. 711 p. (in Rus.).